

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
«КОЛОНИЗАЦИЯ» И/ИЛИ «ОСВОЕНИЕ»:
ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ИЗБЫТКОМ ТЕРМИНОЛОГИИ?**

Введение	3
Барбенко Я.А. Дистанция, колонизация, насыщение, освоение: крестьяне-переселенцы в Приамурье	4
Бочарников В.Н. Освоение и колонизация: терминологическое преломление в гипотезе этнического кода	7
Заколотная А.С. Использование термина «колонизация» в дореволюционной литературе	12
Ковалевская Ю.Н. «Колонизация» и «освоение»	17
Фетисова Л.Е. Дальний Восток в русском фольклоре региона	21

Редактор электронной верстки : В.Н. Караман
Графическое оформление : Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Введение

Сущностное свойство научной терминологии – точность и однозначность. Однако это качество не всегда последовательно реализуется в нашей практике, примером чему является пересечение терминов «колонизация» и «освоение» в современной отечественной историографии. По классификации Комитета научно-технической терминологии АН СССР синонимия – один из крупных недостатков научной терминологии. В силу того, что для дальневосточных историков указанные выше термины, и стоящие за ними понятия, имеют принципиальное значение, редакция журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» предлагает обсудить вопрос размежевания понятий колонизации и освоения и сформулировать общее решение этого вопроса в рамках круглого стола.

Наши задачи лежат за пределами влиятельного сегодня подхода Рейнхарда Козеллека, известного как «история понятий»: мы работаем над совершенствованием собственных познавательных инструментов, сосредоточившись на техническом смысле использования терминов «колонизация» и «освоение» в исследовательской работе.

В обсуждении принимают участие специалисты из разных предметных областей, сотрудники Дальневосточного отделения РАН и Дальневосточного федерального университета, что в итоге, надеюсь, позволит нам занять взвешенную позицию по заявленной проблеме.

Список вопросов, выносимых на обсуждение:

1. Насколько оправдано разделение понятий «колонизация» и «освоение» в Вашей предметной области? Если разделение возможно, в чём особенности каждого из этих понятий?

2. Возможно ли сформулировать способ квалификации явлений как «колонизаторских» или «освоенческих»?

Ожидаемые результаты работы круглого стола – взаимно независимые определения колонизации и освоения, а также способы привязки конкретных явлений к обсуждаемым понятиям. Материалы обсуждения и резолюция круглого стола будут опубликованы в четвёртом выпуске журнала за 2017 год.

Ярослав Барбенко

Барбенко Я.А.

Дистанция, колонизация, насыщение, освоение: крестьяне-переселенцы в Приамурье

До сих пор в обществоведческой мысли отсутствует строгое и однозначное определение колонизации, позволяющее отличать его от смежных явлений, в том числе от освоения. В целом отечественная традиция не видела непреодолимой грани между колонизацией и освоением, однако в ней существуют и более развитые взгляды. Так, Ямзин и Воцинин определяют колонизацию как «процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густо населенных областей» [14, с. 4]. Авторы, определяя понятие колонизации, противопоставляют территории разного демографического и экономического потенциала. Похожим образом, но в ином контексте, рассуждает о колонизации Александр Эткинд, видящий колониальную ситуацию в наличии культурной дистанции, «нет культурной дистанции – нет колониальной ситуации» [13, с. 272]. С точки зрения Эткинды именно обнаружение разницы, контраста между сторонами взаимодействия и порождает ситуацию колонизации. Итак, обе точки зрения, характеризуя понятие колонизации, указывают на *наличие разницы, контраста, дистанции*; хотя Ямзин и Воцинин видят практику колонизации в сокращении дистанции, а Эткинд – в поддержании её.

Наполним предложенную формулу фактами. В контексте взаимодействия русских пришельцев с природной средой Приамурья очевидна специфичность природы юга Дальнего Востока по сравнению с условиями обитания в Европейской России и даже в Сибири, см., например, сводку природных условий Приамурья как фона русской земледельческой колонизации [2, с. 41–46]. Указанная специфичность дала возможность составителям отчёта Общеземской организации за 1908 год сказать: «климат – китайский, а не русский» [10, с. IV]. Особенности природных условий Амура и Уссурийского края не были великой тайной для русских с самого начала их присутствия в регионе [3], однако жизнь на месте открывала всё больше подробностей, что вело к развитию мысли об особенности дальневосточной природы, в числе прочих причин доводящей русских либо до полного отказа от сельского хозяйствования, либо до отказа от сельского хозяйствования в его традиционных проявлениях.

Формы отказа могли быть разными: переход в другие сферы хозяйства (например, отказ русских жителей Нижнего Амура от земледелия в пользу рыбодобычи в конце XIX века, когда рыночный спрос на рыбу стал достаточно высоким и стабильным) [8, с. 3], попеременная с хозяйским использованием сдача земельных участков в аренду корейцам или китайцам как средство борьбы с сорняками [9, с. 8], полная сдача своей земельной доли в аренду восточноазиатам крестьянами Южно-Уссурийского края (зачастую сопровождаемая отказом хозяев от какой-либо полезной деятельности вообще!) [7, с. 26–30], освоение нетрадиционных, но более подходящих к месту произрастания культур [5, с. 229]. Тенденция кризиса традиционной для русских схемы хозяйствования на приморской земле размывалась постоянным притоком новосёллов, которые,

естественно, стремились реализовать привычную схему земледелия. Интересно, что в условиях гражданской войны и интервенции, остановивших переселение, в Приморье получила распространение рисовая культура [15, с. 49].

Описанную ситуацию можно понимать не только как проявление кризиса традиционного хозяйства, но также и как кризис колонизации и, в некоторых случаях, как переход к освоению. Все приведённые примеры в большей или меньшей степени говорят об этом: отказ от земледелия в северных районах, преимущественное использование труда корейцев и китайцев, реализующих более адекватную схему полеводства в южных районах и т. п. Интересный пример в данном контексте – дер. Бельцова на р. Даубихэ (Арсеньевке), которая была основана староверами в 1886 г. на месте неудавшихся (вследствие наводнения 1884 г.) новинок казённокоштных переселенцев. Известно, что староверы поселились на этом месте зная о наводнениях, они сознательно жертвовали каждым пятнадцатым урожаем, смываемым сильным паводком [4, с. 11]. Кроме того, для Бельцовой известен случай 1896 г., связанный с затоплением и гибелью посевов, не повлиявший на хорошие в целом отзывы жителей о данной местности [12, с. 55]. Здесь мы можем явно видеть сознательное отношение хозяев к особенностям природной среды, не случайное, а целенаправленное использование этих особенностей; иначе говоря, *дистанция, разрыв между способом хозяйствования переселенцев и условиями хозяйствования зримо сокращается*. Средства преодоления разрыва могли быть разными – изменение ли типа хозяйства с натурального пашенного на рыночное рыбодобывающее, своеобразный ли симбиоз восточноевропейского и восточноазиатского полеводческих хозяйств на одной площади, учёт ли особенностей водного режима для сохранения традиционного для переселенцев хозяйства.

Каким же образом определяется освоение?

Имеющиеся в географической литературе дефиниции освоения [11, с. 11–16] (а именно географы в наибольшей степени развили концепт освоения), главным образом трактуют взаимодействие как односторонний процесс – воздействие человека на территорию (что особенно проявляется в трактовке Э. Б. Алаева [1, с. 204]), в то время, как развиваемое мной понимание колонизации предполагает взаимность: воздействие человека на территорию и воздействие территории на человека. Данное обстоятельство не позволяет нам отождествить колонизацию и освоение.

В контексте переселения и обустройства крестьян интерес представляет подход К. П. Космачёва, определяющего освоение территории как «ее насыщение вложениями материальных средств и человеческого труда различной энерговооруженности и разной степени механизации, в результате чего природная основа территории видоизменяется и обогащается техническими сооружениями того или иного рода и их системами», а также, как «общественный процесс, интенсивность и направление которого меняются в зависимости от конкретной социально-экономической и природной обстановки» [6, 9]. Это развитое определение имеет продолжением типологию хозяйственного освоения территории (на примере Восточной Сибири) [6, с. 27–29]. Автор выделяет три группы типов освоения: а) пионерную (создающая первые «слои» освоения, в т. ч. промысловое и сельскохозяйственное), б) реконструктивную (перестраивающая пионерные формы освоения, в т. ч. экстенсивное сельское хозяйство «к более интенсивному»), в) высокоинтенсивную (связанная с созданием искусственной среды, речь о городах).

Отмеченный выше кризис традиционной для русских переселенцев системы хозяйствования в категориях Космачёва есть переход от

пионерного к реконструктивному типу освоения: рыбный промысел на Нижнем Амуре в связи с вторжением русского и японского капитала дрейфовал в сторону промышленного лова, восточноазиатская система полеводства корейцев и манз была существенно интенсивней русской системы. Таким образом, *русские переселенцы в Приамурье находились в ситуации пионерного освоения*, что позволяет нам отождествить в практике крестьян-переселенцев колонизацию и пионерное освоение.

Таким образом, понятия колонизации и освоения нельзя развести полностью, так сказать изолировать друг от друга. Вместе с тем, отождествлять их также нельзя, поскольку они образуют иерархию: колонизация есть пионерная фаза освоения, то есть является частью освоения.

Литература

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.
2. Барбенко Я. А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Диссертация... кандидата исторических наук. – Владивосток, 2010. – 276 с.
3. Буссе Ф. Ф. Очерк условий земледелия в Амурском крае // Библиотека для чтения. 1869. Т. VIII – XII. С. 65–135.
4. Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах. – СПб.: б. и., 1896.
5. Кобозев П. А. Колонизация Дальнего Востока // Труды Колонизационного научно-исследовательского института. – М.: Госколониат, 1924. С. 213–268.
6. Космачев К. П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). – Новосибирск: Наука, 1974 – 146 с.
7. Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей. – М.: б. и., 1896. – Записки Приамурского отдела ИРГО. Т. II. Вып. II.
8. Меньщиков А. Очерк заселения низового Амура // Журнал предварительного междуведомственного совещания по вопросу о мерах, которые должны быть приняты для колонизации низовьев Амура. На правах рукописи. Б. м. Б. г. Приложение №3.
9. Обзор Приморской области за 1899 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету. – Владивосток: б. и., 1901.
10. Приамурье. Факты. Цифры. Наблюдения. Приложение к отчету Общеземской организации за 1908 год. – М., б. и., 1909.
11. Романов М. Т. Территориальная организация хозяйства слабоосвоенных регионов России. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 318 с.
12. Сильницкий А. Культурное влияние Уссурийской железной дороги на Южно-Уссурийский край. – Хабаровск: б. и., 1901.
13. Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // *Ab Imperio*. 2002. № 1. С. 265–298.
14. Ямзин И. Л., Вошинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. – М.–Л.: Государственное издательство, 1926.
15. Ярмош А. М. Факторы, определяющие характер и размер переселенческого хозяйства // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 5: Человек / Первая конференция по изучению производительных сил Д. В. – Хабаровск—Владивосток: б. и., 1927. С.45–54.

Бочарников В.Н.

Освоение и колонизация: терминологическое преломление в гипотезе этнического кода

Разработка термина «концепт» в научной и художественной литературе конца XX — начала XXI в. продемонстрировала существенный исследовательский интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы нередко сталкиваемся в обыденной жизни и применяем, не задумываясь об их «истинных» (априорных) смыслах. В контексте предложенной дискуссии, хочу отметить, что среди множества сходных между собой формулировок отмеченных мной в содержании сетевых энциклопедиях, я решил остановиться на том понятийном смысле термина «ОСВОЕНИЕ» как таковой приводится в выдержках термина из толкового словаря С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведова [6].

Как замечает лингвист В. З. Демьянков пользуясь концептами такого рода редко устанавливается приемлемая «договоренность» о согласованном смысле использования понятий среди ученых, специализирующихся в различных научных областях [2]. Следовательно, слегка перифразировав высказывание А. Бергсона возможно заявить: понимать — это значит спросить у предмета, что нам с ним делать, что он может нам сделать? В словаре Ожегова и Шведова констатируется, что «колонизация» — это термин европейского, англоязычного и немецкоязычного происхождения, и в обоих случаях таковой подразумевает и сохраняет компаративистское социально-географическое и этнокультурное неравенство. Учтем, что данная словарная статья была составлена еще в конце XIX в., а терминологический смысл выражен через глагольную форму понятия, раскрываемую смысл освоения как «вполне овладеть чем-надо, научившись пользоваться, распоряжаться, обрабатывать».

В качестве важного следует заметить, что таким образом равноценными оказываются смыслы того, что освоить можно, к примеру, передовую технологию, или отнести смысл этого выражения применительно к «новым землям». И в таком случае, суть понятия освоения может быть также передано другим термином — «колонизация». Более того в термине для передачи его главного смысла «высвечивается», что в результате колонизации происходит коренное изменение пространственных смыслов и паттернов заселения, расселения и деятельности в пределах конкретной территории.

Результатом такого типа освоения территории является *колония* или колониальное государство, находящееся в той или иной зависимости от *метрополии*, т. е. государства, из которого вышли поселенцы. Существует и определенная типизация колоний, формулируемая по происхождению или целевой предназначенности колоний, иногда фиксирующая некие миграционные процессы. Следовательно, в отличие от общечеловеческого смысла термина «освоение» можно подтвердить, что к началу XX в. в наиболее общем смысле под «колонизацией» обычно понимается массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства». И здесь, составители несомненно подчеркивают уничижительный смысл «колонизируемых», второсортность и даже «бросовость» тех территорий, которым была уготовлена роль колоний.

Отметим также, что в немецкой специальной литературе употребляется еще термин *innere Kolonisation* — внутренняя колонизация, вполне передаваемый русским термином «переселение». Поэтому полагаем, что в расшифровке словарной статьи подчеркивается, что малонаселенные государства часто призывали в роли заселенцев иностранцев-колонистов, которым даровались при этом разного рода льготы. Следует отметить, что колония такого рода предстает находящейся под властью иностранного государства страна или территория, лишенная политической и экономической самостоятельности и управляемая на основе специального режима, устанавливаемого властью метрополии. Конечно, можно здесь привести многие сравнения зарубежной практики с весьма популярной тематикой заселения, освоения и колонизации территории Сибири.

Но прежде хотелось бы остановиться на географическом базисе осмысления и применения этих понятий. Внутренняя колонизация — является процессом основания поселений в пределах территориальной юрисдикции государства, а за ее пределами, что будет считаться как колонизация внешняя, данный процесс часто сопровождается покорением, вытеснением или истреблением местного населения. А основной исторический вывод можно сделать, что в Новое время открытием Америки и Австралии и морского пути в Индию феномен организации колоний приобретает совершенно новый характер: европейским народам открылись почти беспредельные пространства новых земель для заселения, и установления своих порядков. Итак, в ретроспективе обыденных представлений следует отметить, что основной формой осуществления колонизации выступает территориальная экспансия, часто неопределённой социальной общностью, предпринимаемая с военной, политической и экономической целями присвоения и дальнейшего использования привлекательных ресурсов, нередко явно или тайно поддерживаемое определённым государством.

Обратимся к более мировоззренческим аспектам, и здесь заметим, что электронный философский словарь, в статье еще составленный в советский период, трактует термин «освоение» как способность человека в процессе своей воспроизводственной деятельности преобразовывать ранее накопленное богатство культуры в содержание своей личностной культуры, сознания, деятельности, внешне делать внутренним, превращая тем самым культуру, социальные отношения, самого себя в условия, средства и цель воспроизводства. Нет необходимости доказывать аксиоматичность того, что при всей индивидуальности и свободе выражения каждого из нас, мы все объединены в общее, возникает вполне резонный вопрос — почему же условие «присвоения» и «освоения» для нас представляется важным?

Приемлемый вариант интерпретации термина «освоение» сделано было немецким философом А. Куреллой, удачно подобравший тезис о том, что человек — это единственное существо, которое в состоянии как индивид и как род проявить свою внутреннюю сущность, свое, так отделить его от себя, что это свое оказывается затем противостоящим ему как нечто чужое, которому следует придать смысл [4]. Очевидно, что философы и психологи (последние, прежде всего, принадлежащие к историко-культурной отечественной психологической школе) уверены в том, что каждый из людей имеет персональную миссию, и это то самое главное зачем мы «приходим» на Землю. Следовательно, в термин «освоение» следует вкладывать более широкий аксиологический смысл, связанный с взаимоотношениями человека и социума с миром и космосом не только в эстетическом аспекте.

И далее известный ученый продолжает: «Смысл не может (и не хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия). Каждое слово текста преобразуется в новом контексте». Возвращаясь к терминам «колонизация» и «освоение» мы обращаемся к некой временной позиции, когда происходит смена тех позиций, которые выполняет каждый народ, который несет свою функцию создания и поддержания конкретного пространства.

Цивилизационное развитие последних веков, выраженное последствиями хозяйственной деятельности человека меняет облик планеты, хотя общий характер произошедших изменений остается неясным. Многократно обсуждалось в литературе, что духовное освоение человеком пространства имеет воображаемый, интеллектуальный характер и складывается из познания, понимания (сознания) и осмысления (оценки) (В.П. Тугаринов). Тогда, что такое будет понимаемым в слове «смысл?» Своеобразный ответ дал на него М. М. Бахтин: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [3].

Вся наша деятельность, включая наши нематериальные достижения составляют культуру человечества. Культура помогает передавать ценности и убеждения от поколения к поколению, обмениваться между народами и государствами, но основное предназначение культуры помогать людям сохранять и поддерживать приемлемые условия исполнения «космической задачи» по сохранению целостного и равновесного пространственно-временного континуума планеты, что отражается во многих положениях, аспектах, смыслах всех человеческих областей знаний, но особенно в метафизике, космологии, астрологии, геософии, религиях и в некоторых науках (кибернетике, биоэтике, синергетике). Это так и значит, что каждый из нас, — людей органично включен, входит в тот или иной (этнос), народ, нацию, и данная принадлежность является условием появления и проживания каждого человека на Земле.

Для нас представителей метаэтноса ныне уже трудно даже воспринимать родовые и племенные идеи, становится все более затрудненным непосредственное оперирование пространством и временем, мы опосредуем все, что у нас есть и получаем, все что нам нужно, прибегая к помощи техники, общественным сервисам и услугам. А. Рунева рассматривает освоение как сущность деятельности. Она отмечает, что освоение есть осуществляемое в процессе универсальной человеческой деятельности превращение природной и общественной необходимости в свободу, законов объективной действительности — в законы человеческой деятельности, условий социального бытия человека в его собственную сущность [5].

Продолжим смысл того, что очевидно, что человеку дается изначально персональная возможность управления (оперирования) пространством и временем, и эти способности, которые имеют в «проявленной форме», из всех живых существ только человек, даются с условием того, что этнос (коллективно) отвечает за конкретный участок земного пространства. Определенную роль продолжают играть здесь миропонимание, основанное на идеях колонизационного освоения. Можно много найти множество подтверждений этому, изучая историю и культуру народов, рассматривая трагедию войн и причинность завоеваний. Именно поэтому существуют народы, государства, этносы, каждый из которых имеет свою «почву». И если другая часть этой формулы «кровь» получает

хорошее подтверждение в генетике, то идея этнической предопределенности, в какой-то степени верности позиций географического детерминизма не имеет в настоящем широкого признания.

Попробуем придать в таком случае вполне определенный контекст концептуального раскрытия понятия «освоение» через гипотезу существования географии этнического кода. Полагаем, что принципиальная суть идеи этнического кода (этнокода) состоит в том, что каждый народ, понимаемый как общность людей, объединенная общим происхождением, историческими, культурными, социальными, этическими и др. ценностями, и только в такой своей коллективной идентификации может быть отличаем от других, имеет свою миссию на планете Земля. Для помощи в этом складывались веками традиции, верования, формировалась особая для каждого этноса (но имеющая некие общие черты и с другими) культура жизнедеятельности. Представляется здесь, что та разница в ментальных конструктах освоения, что было и еще в какой-то неопределенной степени остается среди этносов коренных малочисленных народов, и является той принципиально отличной человеческой идеей от нынешних представлений глобальной сути общества [1].

В реальности, к настоящему времени в наиболее «проявленной» сути пространственные или географические регулятивы проявления этнокода сохранились лишь в культурах этносов, которые нередко и до сих пор снисходительно в эпоху инновационных решений относят к социальному и этническому статусу «примитивных» народов. Только приняв во внимание нашу детерминировать внутренней ментальной «прошивкой» этнокода можно в полной мере понять, что в основе человеческой жизни всегда был встроен очень жесткий и понятный закон существования жизни: если этнос перестал выполнять свое космическое предназначение, растратил силы и энергию не на те задачи, на которые была предназначена энергия и силы, им потеряны, забыты, кардинально изменены традиции и обычаи, потеряна миссия — этот этнос обязательно исчезнет.

Этнос хранил, защищал от других, устраивал часть среды для себя с помощью череды действий своих многих поколений своего этноса. Традиционная практика осуществления жизнедеятельности, в т.ч. охота, рыболовство собирательство — это было то, что и сохраняло природу в том самом прямом смысле естественности ее функционирования. То прежде сливающие нас в единство задачи успешного и целевого проживания в гармонии с нашей средой, что и составляло жизненно необходимые для народа функцию — проживания, поддержания и заботы о конкретной территории, ныне разрушается процессами глобализации и всемирной интеграции, что и предопределяет как серьезнейшую угрозу человечества — реалистичность исчезновения с планеты Земля.

Именно предопределенную посредством существования этнического кода территорию получало, берегло и осваивало конкретное сообщество. Полноценное научное доказательство этой гипотезы не является чем то фантастическим, это сделать возможно сейчас на основе компьютерной организации и геоинформационного подхода изучения и сопоставления огромные массивы этнографических сведений. Только так можно будет доказательно и масштабно показать, что ныне кардинально изменились прежние условия жизни, по сравнению с теми, когда у каждого этноса была СВОЯ территория. Мы находимся в период перемен, когда изменяется сам общий принцип оперирования пространством, что и доказывает опыт анализа терминов — «освоение» и «колонизация».

Литература

1. Бочарников В. Н. Географическое знание, природа и геоэкономическое перекодирование человечества в эпоху глобализации [Электронный ресурс] // Электронный научно-практический журнал «Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование». 2017. № 1. С. 59–84, URL http://www.biosphere-sib.ru/scientific-practical-journals/Коэволюция%20и%20ноосфера_2017_1.pdf. (дата обращения 25.08.2017).
2. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста [Электронный ресурс] // Сайт профессора, доктора филологических наук, заместителя директора Института языкознания РАН Валерия Закиевича Демьянкова, URL <http://www.infolex.ru/CogTeD.html> (дата обращения 17.08.2017).
3. Лапш М. А. «Диалогическое согласие»: М.М. Бахтин как элитарная языковая личность // Русская речь. 2015. № 5. С. 50–55.
4. Освоение [Электронный ресурс] // «Энциклопедии & Словари». Коллекция энциклопедий и словарей, URL <http://enc-dic.com/word/o/Osvoenie-8219.html> (дата обращения 12.08.2017).
5. Освоение [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Texts. News», URL <https://texts.news/knigi-teleologiya/osvoenie-16262.html> (дата обращения 12.08.2017).
6. Рунова Т. А. Из истории уральского иконописания: невьянская школа // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2004. № 1. С. 206–217.

Заколотная А.С.

Использование термина «колонизация» в дореволюционной литературе

Для того чтобы понять нужно ли разделять понятия «колонизация» и «освоение», необходимо обратиться к истории использования данных терминов. Термин «колонизация» постоянно использовался в дореволюционной литературе. Чаще всего данный термин использовался в работах, посвященных переселению и заселению окраинных территорий Российской империи. Необходимо отметить, что чаще всего определения этого термина в работах дореволюционных исследований нет. Один из немногих, кто сделал попытку дать определение данного понятия, был Н. М. Ядринцев. Он указывал, что: «Всякая колонизация есть результат известных натурально-исторических и экономических потребностей мирового расселения, точно так же, как колония есть памятник народно-исторической творческой работы и колонизационных способностей данного народа» [10, с. 126]. Н. М. Ядринцев считал, что Сибирь является «по преимуществу продуктом вольно-народной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало» [10, с. 127]. При этом понятие «колонизация» Н. М. Ядринцев рассматривал очень широко. Этим термином он называл достаточно широкий круг явлений, происходивших в истории страны и связанных с перемещением населения в Сибирь. Так, под «колонизацией» он понимал бегство крестьян от крепостной зависимости, и старообрядцев, не принявших религиозную реформу 1642 г. Кроме того им выделена военная колонизация в результате которой вплоть до Амура появились городки и остроги; в XVIII в. началась казённая колонизация, когда правительство приступило к заселению трактов и линий, чтобы соединить промежуточными пунктами существовавшие остроги; а за ними следовали промышленная, торговая и вольно-народная [10, с. 132].

Г. Гинс рассматривал колонизацию как «политику всестороннего культурного развития незаселенных и слабо заселенных пространств» [1, с. 4]. По его мнению, в процессе колонизации с одной стороны «вовлекаются в хозяйственный оборот малоиспользованные производительные силы стран», а с другой – «возвышается уровень культурного развития туземцев». Переселение же является одним из «могущественных орудий колонизации», т. к. увеличение количества населения и рост плотности последнего приводит к «усиленной интенсификации труда, к использованию всех наличных производительных сил» [1, с. 4–5]. Г. Гинс разделял понятия эмиграция и колонизация, если первое, по его мнению, «совершается независимо от вмешательства государственной власти», то второе – «составляет один из видов государственной деятельности и регламентируется особыми правилами» [1, с. 30]. Г. Гинсом выделено три типа колонизационной политики. Система подчинения, когда колония «эксплуатируется эгоистически», ее интересы игнорируются, а будущее приносится в жертву настоящему. При системе самоуправления колония самостоятельно принимает законы, регулирующие все стороны ее жизни, при этом, однако, они не должны нарушать права метрополии; самостоятельно формирует бюджет, в «коммерческом отношении»

колония и метрополия абсолютно независимы друг от друга. Система уравнивания колонии с метрополией отличается введением единого законодательства в колонии и метрополии, административное устройство первой имеет характерный для государства тип. При этом колония вынуждена рассчитывать только на собственные денежные средства, т. к. никакого финансирования метрополией ей обычно не выделяет. Последнее, по мнению Г. Гинса, свидетельствует о том, что «принцип уравнивания проводится не вполне последовательно» [1, с. 36–40]. Он полагал, что русская колониальная политика ближе всего подходит к системе уравнивания, так как колонии являются непосредственным продолжением государственной территории, законодательство, администрация, суд, финансовая и торговая политика «распространяются на всю Империю», однако определенные различия все же существуют. Так, во многих частях Азиатской России администрация имела более широкие полномочия, аборигенное население в большинстве своем не несло воинской повинности, жители окраины были ограничены в выборах народных представителей [1, с. 42].

А. А. Исаев рассматривал причины формирования колоний начиная со средневековья. Он полагал, что можно найти определенные черты сходства в развитии западноевропейских колоний и окраинных территорий Российской империи. Тем не менее, существует одно значительное отличие, европейские страны были отделены от своих колониальных владений морями и океанами, вновь присоединяемые к России территории, вливались в нее, становясь частью единого государства. Это, по мнению А. А. Исаева, являлось преимуществом, т.к. развитие этих регионов должно было «послужить к увеличению нашего благосостояния и укреплению нашего могущества», в то время как колонии европейских стран с течением времени могут превратиться в «могущественных соперников» своим метрополиям, что доказывает история США [3, с. 27–28].

Фактически, и А. А. Исаев и Г. Гинс отождествляли понятия «колонизация» и «колониализм». При этом данные термины не синонимичны, т.к. «колониализм» - это политическое, экономическое и духовное порабощение стран и народов (этносов), как правило, менее развитых в социально-экономическом отношении, нежели страны-метрополии [8, с. 146–147].

Дореволюционные авторы нередко связывали колонизацию с переселением, причем последнее рассматривалось не только как перемещение населения из одного региона в другой, но и устройство этого населения на новом месте, достижение им определённого уровня материального благосостояния, что в конечном итоге должно было бы способствовать развитию и закреплению за Россией отдаленных и недавно присоединенных территорий. Сами названия трудов нередко включают в себя слово «колонизация». Так, в работе А. Елисеева «Южно-Уссурийский край и его русская колонизация» рассматривается заселение данного региона крестьянами посредством морских перевозок, адаптация их к новым условиям и особенности устройства в крае. Автор считал, что морские перевозки позволили «извлечь двоякую выгоды для самой колонизации» Южно-Уссурийского края: сокращались количество времени проводимого крестьянами в пути и затраты на само путешествие, а также все переселенцы достигали пункта назначения, что ранее, при сухопутном способе передвижения, достичь не удавалось [2, с. 118].

С. Д. Меркулов также использовал термин «колонизация» в названии своей работы [1]. Автор настаивал, что колонизация страны означает её заселение. Он писал: «Колонизировать, значит привлечь население на новые места и создать этому населению в этих новых местах условия более благоприятные для него, чем те, которые он имел на сво-

ей родине» [5, с. 2]. В изданном канцелярией комитета министров труде «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом» указывалось, что целью представленного исследования являлся «исторический обзор одного из наиболее характерных явлений экономической жизни русского народа, а именно процесса передвижения части населения Европейской России за Урал, в Азиатские владения России, входящая в состав Сибири. Этот исторический процесс, начавшийся вслед за присоединением тех или других районов Сибири к русским владениям, имеет своим основанием стремление населения Империи к более правильному и равномерному самораспределению по всей государственной территории России и представляет таким образом явление внутренней колонизации...» [4, с. I]. Также рассматривались вопросы, связанные с подбором контингента переселенцев, меры, необходимые для обеспечения скорейшего устройства их хозяйств на новом месте [4, с. II–III].

В работе «Обзор земледельческой колонизации Амурской области» указывалось, что целью является рассмотрение «земледельческой колонизации Амурской области от начала заселения ее русскими до последних дней и указать на все изменения, которые происходили в этом важном государственном деле на нашей далекой окраине» [6, с. I]. Здесь дан обзор основных законодательных актов, регулировавших переселение в область, рассмотрены вопросы водворения и устройства переселенцев, оказания им врачебно-продовольственной, ветеринарной помощи, землеотводного дела, дорожного строительства и др. В 1911 г. была издана работа начальника отряда земледельческой колонизации С. П. Шликевича «Колонизационное значение земледелия в Приамурье», где автор рассмотрел условия заселения Приамурья, развитие земледелия в крае, наличный земельный фонд, а также предложил меры «к усилению колонизации» [9].

В официальных документах также прослеживается четкая связь в использовании терминов «колонизация» и «переселение», одно вытекает из другого. Так, в фонде канцелярии морского министра в одном из документов были предложены «меры к экономическому поднятию края» (имеется ввиду Приамурский край – прим. авт.). В качестве основной меры рассматривалась колонизация, причем обращалось внимание, что «колонизацию края нельзя основывать на естественном отливе из России переселенцев: надо всевозможными средствами привлекать настойчиво, усиленно переселенцев и самое переселенческое дело производить планомерно, не пренебрегая никакими средствами к тому, чтобы поставить переселенцев к возможно благоприятным материальным условиям, не позабыв и духовных их потребностей, устраивая школы и церкви (РГАВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 63. Л. 7). Генерал-губернатор Духовской в одном из документов, направленных министру внутренних дел отмечал, что «несмотря на успешный сравнительно результат принятых правительством для поощрения переселения мер, дело колонизации края русскими людьми не может считаться законченным», т. к. все население Приморской области составляло в 1894 г 152220 чел, из них русских только 91164 чел., т. е. 59,8% (РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 5 об.–6).

А. Кириллов отмечал, что «начало колонизации Амурской области положено еще было еще прежде ратификации Айгунского трактата» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1108. Л. 1). Однако, заселение области шло медленно, предпринимаемые правительством меры не приносили необходимо результата, поэтому он предлагал, что «если усиление колонизации Приамурского края путем правительственного воздействия на избрание переселенцами районов водворения и является недостижимым, то... вполне возможно и желательно ныне же озаботиться осуществлением указанной задачи при посредстве создания на Дальнем Вос-

токе благоприятствующих условий для жизни вообще и переселения в особенности» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1108. Л. 8).

Побывавший в Приамурском крае чиновник особых поручений старший советник Н. В. Слюнин сообщал министру финансов, что «колонизация все время проводилась без всякого плана и определенной системы, то усиливаясь самовольным переселенческим движением и под влиянием разных поощрительных мер правительства, то уменьшаясь до нескольких десятков семейств или даже совершенно прекращаясь» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1108. Л. 61). Он отмечал, что за 21 год в Приамурскую область переселилось всего 65000 чел., причем «незначительность подобной цифры ясно говорит, что водворение здесь русского элемента не имело ни экономического, ни политического значения. ... были периоды... когда область официально считалась закрытой для колонизации» (РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1108. Л. 61–61 об.).

В 1914 г. чиновник Главного управления землеустройства и земледелия Н. Шуман предложил свой проект «последовательной колонизации Амурской области» (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 1.). Он указывал, что «в последнее время правительством принят и проектируется во имя колонизации целый ряд мероприятий общего характера, как-то: расчистка рек для улучшения судоходности, проведение дорогостоящих шоссе типа дорог, введение пошлин в связи с удешевлением тарифов на провоз сибирских хлебов и прочие мероприятия, ежегодная стоимость которых обойдется государству в 1 млн руб.», однако, по его мнению, все перечисленные мероприятия являются только «средствами колонизации» (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 1 об.). При этом главной задачей является увеличение количества рабочего населения в крае. Н. Шуман полагал, что «только на основе широкой земледельческой колонизации при прочном устройстве в области массы земледельческого населения могут развиваться другие виды промышленности, почерпая в избыточном времени сельского населения массу дешёвого труда, а впоследствии – в избыточном сельском населении и местных рабочих» (РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1357. Л. 4 об.).

В отчёте военного губернатора Приморской области обращалось внимание на «не вполне удовлетворительную постановку дела колонизации области, на недостаточность кредитов для производства дорожного строительства, которое не только не опережает переселенческого движения, но даже сильно от него отстаёт, в то время как прилив переселенцев, отодвигая возникающие селения все глубже в тайгу, требует от новосёлов кроме упорного труда и приспособляемости к местным условиям, также и большого материального обеспечения и наконец на возможность упрочить дело колонизации в области только посредством развития путей сообщения и увеличения ссуд на домообзаводство, при условии привлечения переселенцев из губерний, наиболее подходящих по физическим условиям к местному краю» (РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 525. Л. 1 об.).

Таким образом, во всех приведенных выше примерах колонизация непосредственно связывалась с заселением региона, причем последнее фактически рассматривалось как деятельность если не тождественная, то очень близкая по значению и содержанию первой. В результате предполагалось достичь увеличения количества населения, которое должно развить здесь сельское хозяйство, промыслы и местную промышленность. Термин «освоение» в дореволюционной литературе фактически не использовался. В настоящий момент на наш взгляд термины «освоение» и «колонизация» связаны друг с другом и во многом синонимичны. В настоящий момент делаются отдельные авторы полагают, что освоение является частью колонизации. Так, Л. Л. Рыбаковский было дано следу-

ющее определение: «Колонизация – это исторически определенный тип заселения и освоения слаборазвитых территорий» [7].

На наш взгляд эти два термина трудно разделить, т. к. заселение территории неизбежно приводит к ее освоению в той или иной степени и форме. Люди овладевают, учатся пользоваться, распоряжаться и обрабатывать имеющими природными ресурсами. Одно невозможно без другого. Поэтому при изучении вопросов переселения одновременно рассматриваются и вопросы освоения или колонизации того или иного региона.

Литература

1. Гинс Г. Переселение и колонизация. Вып. 1. – СПб.: б. и., 1913.
2. Елисеев А. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация. – СПб.: б. и., 1891.
3. Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. – СПб: Издание А. Ф. Цинзерлинга, 1891.
4. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. – СПб.: б. и., 1900.
5. Меркулов С. Д. Порто-франко и колонизация Приамурского края русским населением. – СПб.: б. и., 1908.
6. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. – Благовещенск н/Амуре: б. и., 1913.
7. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). – М.: Наука, 2001. – 217 с. [Электронный ресурс] // READ.in.ua: Книги из электронной библиотеки Ихтига. URL <http://www.read.in.ua/book251245/> (дата обращения: 02.09.2017 г.).
8. Тавадов Г. Т. Этнология. Современный словарь-справочник. – М: Диалог культур, 2011. – 704 с.
9. Шликевич С. П. Колонизационное значение земледелия в Приамурье. – СПб.: б. и., 1911.
10. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб.: б. и., 1892.

Ковалевская Ю.Н.

«Колонизация» и «освоение»

Насколько оправдано разделение понятий «колонизация» и «освоение» в Вашей предметной области? Если разделение возможно, в чём особенности каждого из этих понятий?

Пробуем рассуждать «от противного»: Если колонизация = освоению, то деколонизация = прекращение освоения. А между тем деколонизация несет явно положительные коннотации, связанные с прекращением угнетения, освобождением. А прекращение освоения — процесс негативный, это деградация, регресс. Придется последовать Дирку Уффельманну и различать в колонизации две составляющие: колониализм (угнетение) и колонизация как освоение (изучение и экономическое использование) [1].

Разумеется, это научное, терминологическое разделение, а в реальной жизни процессы колонизации/колониализации могут осуществлять одни и те же люди. Например, буры в Южной Африке были и колонистами, и колонизаторами одновременно. Однако сами понятия «колониист» (человек, который осваивает новое место в интересах выживания) и «колонизатор» (человек, который господствует на территории, которая освоена другими людьми) разделяются в русском языке.

Моя предметная область — изучение повседневности в 1990–2015 гг. Применительно к этому периоду можно сказать, что «колонизация» в смысле освоения в этот период находится в обратно-пропорциональной зависимости с «колониализацией» в смысле угнетения. Освоенность территории резко упала, цивилизованное пространство сжалось. Выкачивание материальных и человеческих ресурсов возросло.

Дальний Восток России, за исключением региональных столиц стал территорией деиндустриализации, деурбанизации, культурной деградации и социального исключения.

Уход государства из производственной сферы породил цепную реакцию распада социальной ткани: утрата работы, заработка, статуса «кормильца семьи», долги по ЖКХ, разрушение дорог и транспортной сети, закрытие котельных, школ, больниц, появление депрессивных регионов, бегство населения, — и вот мы уже в третьем мире.

Из интервью с главой района, Сахалинская область: *«Уезжают. Район был 49 тыс., осталось 20,5. Бум(ажный) завод был. В 13 стран мира шла бумага. Мудро было устроено производство — излишками тепла отапливались жилые микрорайоны. Теперь все закрыто, ничего нет. Совхоз Краснопольский был одним из лучших на Дальнем Востоке и в Сибири. 10 тыс. голов скота. Осталось 18. Во всем районе 1300, десятая часть. И все заросшее вокруг, все поля»* (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № А 007).

Предприниматель из Хабаровска: *«Взять город Хабаровск, здесь никакого производства не осталось. То есть, у нас нету ни станко-*

Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур Тихоокеанской России (1985–2015 гг.)» (Проект 15-1-9-009).

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна, канд. ист. наук, научный сотрудник ИИАЭНДВ ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: tupa67@mail.ru

строительных, нет ничего. Какой-то там „Энергомаш“ ещё не дали обанкротить, потому как там есть второй внутри него завод секретный. А остальные — все площади розданы под торговые центры. Был завод — стал магазин. Вот и всё. А где людям работать? Это же всё приводит к тому, что деградация у мужского населения, ну они же как неприкаемые» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № С004).

«Колониализм» проявляется в том, что наиболее ценные ресурсы территории: полезные ископаемые, лес, рыба — считаются принадлежностью федерального или краевого (областного) центра, в то время как экологические, социальные издержки несут местные жители.

«Где-то у нас миллиард — бюджет района, собственных доходов около 200 млн. Остальное все из области. [Налоги платят] где-то 600 предпринимателей и 2 крупных угольных компании. Одна из них имеет прибыль — 40-45 млн, находясь в менее благоприятных геологических условиях. Это „У...уголь“. Компания владеет разрезом „Никольский“ и Углегорским портом. А компания „С...уголь“ имеет 500-700 млн. убытков. Это то, что показывают. Вот представьте: бошняковский уголь — один из лучших на Дальнем Востоке — самый калорийный, низкосернистый, низкосольный на экспорт идет, вот как я вычисляю, по 100-120 долларов за тонну. А они показывают 38-40. Все их предприятия — Сахалин-1, Сахалин2 и т.п. зарегистрированы на Кипре, с уставным капиталом 10 тыс. долларов. Офшорки-обжорки. За что они ненавидят нас, здесь сидящих? Что заставляем платить налоги. Заставили построить две объездные дороги — пока 8 км. Вот здесь сидел этот господин и кричал. Как это так — заставляют налоги платить? Они не платили за 2008 г., 2009 и дальше. Они считают, что достаточно, что они создают рабочие места. Причем они возьмут рабочих отовсюду — в Бошняково работают вьетнамцы, приезжают узбеки, украинцы, а местные не хотят работать. А кто будет работать из местных, когда 32 тыс. платят, и в таких условиях. Практически круглосуточно работать на „БелАЗе“, возить сотни тонн. И гибнуть там» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № А007).

С территории изъят ресурс не только развития, но и выживания. Локальные сообщества, включая местную власть, вынуждены изыскивать средства к жизни вне территории.

«...Муниципалитеты в основном глубоко дотационны. Они не имеют возможности решать вопросы. Поэтому они зависимы от области, ими легко манипулировать. Им все время приходится на поклон ходить к субъекту. Население, тем не менее, во всех своих проблемах — ЖКХ и пр. винит местных властей» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № А007).

Воспоминания дальневосточников рисуют процесс приватизации как историю уничтожения и разграбления советских предприятий:

«В 97-ом году, примерно, мы попали под массовую ликвидацию угольной промышленности, тогда было первое банкротство и закрытие, а потом уже на базе этой шахты образовали частное предприятие. Потом были конкурсные управляющие, приходившие временно, набивавшие деньгами карманы и уходившие. До сих пор предприятие должно большую сумму денег рабочим, с того времени. В 2005 году было очередное банкротство и смена начальника, с того времени работаем без изменений» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № А005).

Основной жизнеобеспечивающий ресурс населения был отчужден, и даже не один раз. Большинство крупных предприятий в сельской

местности и в отдаленных регионах были разорены и закрыты, миллионы людей остались без работы и средств к жизни. Зато привилегированное меньшинство смогло приватизировать ценные активы и получить дешевую, и главное, бесправную рабочую силу, которой некуда деваться.

«Все разрушено. Горно-обогатительный комбинат — вся страна строила. По оргнабору по всей Сибири — туда требуется, сюда требуется. А сейчас никого не нужно. Одни магазины. А кто покупает — не понятно» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № В014).

«Из старых предприятий у нас практически никого не осталось. Сельскохозяйственные предприятия — совхозы — потом они стали кооперативами, потом индивидуальщиками, потом стали еще кем-то. Они возле нас были, мы пытались с господдержкой... Ну, определиться, каким образом государство поддерживает эти предприятия. Декларации были... Декларации остались декларациями, но в конечном итоге эти предприятия плавно потонули...» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № А013).

Существующие программы поддержки часто следуют принципу «Помощь — обратная сторона контроля»:

«Я вам хочу сказать, да, мы вошли в программу: под 4% мы берем кредит второй раз... Но мы чувствуем себя под колпаком. В один прекрасный момент я почувствовала, что наше предприятие полностью под контролем... Я просто обратила внимание, что кругом скупают все москвичи» (Архив Отдела социально-политической истории ИИАЭ ДВО РАН. Интервью № А015).

Не получив доли в приватизации (если не считать ваучеров), население до сих пор несет издержки (не только материальные, но и экологические, социальные, культурные). Господствующий слой, в том числе руководители государственных предприятий, априори предполагают, что работникам можно платить зарплату ниже прожиточного минимума, т.к. они все равно как-нибудь выкрутятся с помощью «неформальной экономики» и «теневых доходов».

Метрополия конструирует в провинциалах комплекс неполноценности с помощью определенного дискурса: как развернутые тексты в СМИ, так и обыденная терминология рисует провинцию, особенно Сибирь и Дальний восток и их обитателей как людей второго сорта. Во «второй России», в ее «урюпинсках» и «зажопинсках» прозябают совки, замкадники, анчоусы, лузеры, люмпены, ватники, уралвагонзавод, крымнаш, в отношении которых существуют претензии «хватит кормить Дальний Восток», строить «мосты в никуда» и т.п.

Методы управления, отработанные в «колониях», оказывают обратное влияние на метрополию. Александр Эткинд называет это законом «колониального бумеранга» [2]. Например, политолог Екатерина Шульман, экономгеограф Наталья Зубаревич и др. анализируют закон о реновации в Москве. Говорят, что если этот закон пройдет в Москве, то его можно будет тиражировать в любых других местах. Типа, если провинциалы думают, что их это не коснется, тогда следом за москвичами придут и к ним.

То есть столичные ученые искренне не видят, что вообще-то к нам уже давно пришли. Что реновация — это случай, когда метрополия наконец-то на своей шкуре узнает, что такое «модернизация сверху» в России. Что половина жителей Сибири и Дальнего Востока уже тридцать лет теряет не только дома и квартиры, но целые поселения, где они жили, отрасли труда, в которых они работали, места, где они учились, лечились, отдыхали, где были похоронены их предки, где была вся их жизнь. Все во имя прогресса, разумеется. И что-то я не припомню, что

когда выселяли жителей из зоны затопления Богучанской ГЭС, когда на Сахалине и в Приморье закрывали шахты, заводы и леспромхозы вместе с населенными пунктами в Москве кто-то вышел на демонстрацию.

Возможно ли сформулировать способ квалификации явлений как «колониальных» или «освоенческих»?

Не считаю полезным в социально-гуманитарных науках бороться за точные дефиниции терминов. Смысл слова зависит от ситуации использования и от контекста. Формализация научного языка, на мой взгляд, делает его не более научным, а более бюрократическим. Смысл при этом не прибавляется, а затемняется. У каждого оригинального ученого свой понятийный аппарат, который раскрывает именно те стороны реальности, которые именно ему удалось показать по-новому.

Что касается реальности, которая в современной России стоит за терминами «освоенческий» и «колониальный», то отчасти за ними стоят два типа экономики: экономика выживания и рыночная экономика. Там где возможно получение прибыли, приходят колонизаторы. Где прибыли получить нельзя или ее уже экспроприировали, в «обезжиренной среде» пытаются выжить и сохранить освоенное пространство «аборигены», а на пространство, которое уже одичало, приезжают «колонисты».

Литература

1. Россия как колония [Электронный документ] // Информационно-аналитический портал «Полит.ру», URL <http://polit.ru/article/2013/01/03/colonization/> (Дата обращения 5.09.2017).

2. 2. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 448 с.

Фетисова Л.Е.

Дальний Восток в русском фольклоре региона

Расширение границ Российской империи к востоку от Урала вполне вписывается в понятие «внутренней колонизации», понимаемой как заселение и освоение окраинных территорий страны. Однако следует иметь в виду, что в любом случае происходило насильственное вторжение на земли, население которых, не имея собственной государственности, не стремилось к обретению таковой в составе России. Дореволюционные авторы, в том числе В. О. Ключевский, откровенно писали о колонизации окраин. В русской общественной мысли в целом движение к востоку воспринималось как характерная особенность Российской империи, обусловленная её евразийским положением.

В научной мысли СССР первоначально господствовала разоблачительная традиция, в соответствии с которой царская Россия рассматривалась как «тюрьма народов». Однако со временем была разработана иная концепция национальной политики [8, с. 124], противопоставлявшая заселение русскими людьми Сибири колонизаторской политике империалистических держав, при которой ресурсы колонии использовались главным образом в интересах метрополии. Советскими историками была предложена новая терминология: «присоединение и освоение восточных окраин», «вхождение («мирное», «добровольное») народов Сибири в состав России» и т. п. Условный характер этих понятий очевиден, но столь же очевидны и причины, их породившие.

На Дальнем Востоке активное употребление термина «освоение» было связано также с реакцией на пограничные конфликты и территориальные притязания КНР во второй половине XX в. В основу политической полемики был положен следующий аргумент: китайские отходники просто использовали природные ресурсы региона, тогда как русские переселенцы обживали, восточную окраину страны. В те годы активно употреблялось понятие «хозяйственное освоение». Этот подход был реализован учёными при подготовке фундаментальной монографии «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма...» [9].

В статье, посвящённой новейшей отечественной историографии об освоении Сибири, А. С. Зуев справедливо утверждал, что нельзя смешивать понятия «присоединение» и «освоение»: «Присоединение – это политический акт включения территории (мирным или военным путём) в состав какого-либо государства, завершающийся установлением административной и государственной власти, а освоение – это уже процесс создания на данной территории определённой экономической системы...» [8, с. 130].

На наш взгляд, как уже говорилось ранее, движение русских людей на восток соответствует понятию внутренней колонизации, сопровождавшейся не только хозяйственным, но и культурным освоением азиатской территории [10, с. 295–299]. Что касается восприятия проблемы народным сознанием, то здесь нет места терминологическим дискуссиям, но можно говорить о том, как рассматривалось переселение на Дальний Восток самими участниками процесса.

Освоению, или «присвоению» территории всегда сопутствует создание нового «культурного ландшафта» этих земель, который, как прави-

ло, приходит в противоречие со сложившимся ранее. Движение русских людей «встречь солнца» было начато казаками и промышленниками. Их закрепление сначала в Сибири, а затем на Дальнем Востоке сопровождалось возведением крепостей (острогов), ставших первыми очагами русской культуры «далёкой окраины». Крепость, возведённая в чуждом пространстве, обеспечивала не только защиту, но (что не менее важно!) создавала ощущение привычного быта, то есть способствовала адаптации в новых условиях. Вместе с тем, без сомнения, коренным населением эти сооружения воспринимались как демонстрация могущества Русского государства [7, с. 170–171].

В силу особенностей заселения Дальнего Востока важным компонентом его культуры стал мужской героико-песенный фольклор. Материнский фольклор для землепроходцев и их потомков представлял собой художественную форму памяти об исторической родине, связь с которой переселенцы старались сохранить. Наряду с этим складывающийся фольклорный фонд отразил и региональную специфику: XVII век дал новые сюжеты, посвящённые расширению государственных границ в восточном направлении. Например, в Приамурье была сложена историческая песня о столкновении с маньчжуро-китайцами и осаде Кумарского острога в 1655 г. Текст начинался строкой «Во Сибирской во украине, во Даурской стороне», свидетельствующей о том, что создатели считали эту территорию частью России, пусть и окраинной. Имеются данные о создании оригинальных произведений на Крайнем Северо-Востоке Азии и в Русской Америке. Так, лейтенант Л.А. Загоскин в своих записках сообщал, что он слышал песню «В осемьсот третьем году на Кадыяке острову», сложенную «промышленниками былых времен на возврат Баранова из Ситхи» [6, с. 400].

Оценки, дававшиеся землепроходцами местным жителям, показывают, что отношения складывались отнюдь не просто. В фольклорных текстах находим следующие характеристики: «Как морские алеуты на расходе були круты»; «Этот чукоцкий народ, не клади им пальца в рот» и т.п. [3, с. 303]. При этом русские первопроходцы, так же, как их потомки, не сомневались в своём праве на восточные территории. Основой их убеждённости служила вера в превосходстве христиан над язычниками, а распространение русского православного влияния считалось осуществлением «божественного промысла».

Национальная концепция исторического пути России восходит к провиденциализму русской средневековой философии истории. Своеобразие этой концепции известен филолог И. П. Ерёмин видел в том, что носителями идеи была присуща безусловная вера в правомочность своей позиции и деяний, освященных «Божьей волей» [5, с. 42–97]. На бытовом уровне те же мировоззренческие установки были характерны для уссурийских казаков даже в начале XX в. Так, один из казаков, сопровождавших В. К. Арсеньева, говорил о гольде (нанайце) Дерсу Узала, что он человек хороший, жаль только, души у него нет – «пар один».

Таким образом, если в классическом европейском колониализме различия между метрополией и колонией опирались на расовые, этнические, лингвистические и культурные признаки, на основе которых шёл процесс дистанцирования субъекта колонизации от её объекта [15, с. 35], то в понимании значительной части россиян главную роль играла не этническая, а религиозная принадлежность населения колонизируемых территорий.

Со временем, когда между коренным и пришлым населением установились достаточно мирные отношения, изменились также их оценочные характеристики. Одной из причин таких изменений можно считать

распространение межэтнических браков, что получило отражение в устном творчестве:

Моя бабушка чуваночка,
А вторая-то чукчаночка,
Уж как третья-то русаночка.
Что чуваночка обуточки сошьет,
А русаночка олады напекот,
А чукчаночка гостить ко мне идёт [3, с. 303].

Известно, что традиционный фольклор выражает устойчивые представления народа о своём историческом пути и предназначении, об образах врагов и покровителей (в том числе небесных). Эти представления являются цементирующим началом национальной памяти, в которой, по определению А. М. Панченко, есть «люди-символы» и «события-символы». Причём обычно «в качестве символа избирались не лёгкие, а тяжёлые победы» [12, с. 260]. Для фольклорного сознания русских людей землепроходцы являлись безусловными героями, «людьми-символами» [14, с. 322–328]. Имеются документальные свидетельства широкого бытования рассказов первопроходцев, воспроизводившихся их потомками как примеры подлинного героизма [13, с. 275–278]. В связи с этим уместно напомнить, что казачий фольклор является столь же неотъемлемой частью нашего культурного наследия, как сюжеты вестернов в культуре США.

В середине XIX в. после возвращения России Приамурья появились новые произведения, в частности историческая песня о сплыве по Амуру и защите залива Де-Кастри от англо-французской эскадры в 1855 г. [2, с. 158–170]. Эту победу можно считать частичной компенсацией потерь, которые Россия понесла в ходе Крымской кампании 1854–1855 гг. «Песнь о переселении на Амур» продолжала бытовать в казачьей среде и полвека спустя после описываемых событий. Примечательно, что на тех же позициях стоял Г. И. Невельской: «Принудив неприятеля к блокаде берегов Татарского пролива», мы заставили «его тем самым признать этот важный край русским» [11, с. 346]. Как видим, адмирал принимал в расчёт не только искусство дипломатии, но и воинскую доблесть.

В фольклоре дальневосточного казачества событиям, происходившим в регионе, придавался государственный масштаб, что, в общем, соответствовало действительности. Реализация этой идеи осуществлялась обычным для народного творчества способом: популярные произведения получали местную приуроченность. Например, в тексте «Скакал казак через долину» во второй строке обычно назывались кавказские поля, но участники военных действий в Китае заменили их «маньчжурскими полями». Аналогичная замена была произведена в песне «По линии Китая [вместо Кавказа] млад сизой орёл летал». Таким образом, присоединение Кавказа и присоединение Приамурья рассматривались дальневосточниками как равноценные. Гидроним Амур в казачьем фольклоре был столь же значимым, как Дон, Дунай, Волга: «Амур река большая», «Течёт речка невеличка / Ко Амурскому полку», «Из походу удалого едут амурцы домой» и др. (ПФА РАН. 1913 г. Ф. 9. Оп. 1. Д. 993. Л. 42).

Заслуживает внимания факт актуализации русского «провиденциализма» в начале XX в. После обстрела Благовещенска во время восстания ихэтуаней в Китае (1900 г.) жители города были убеждены, что их защитила сама Богородица. Спасение Благовещенска приписывали Албазинской иконе Божьей матери «Слово плоть бысть», находившейся в кафедральном соборе: несмотря на то, что Благовещенск обстреливался

в течение 19 дней, в нём почти не было убитых и не возникло пожаров, опасных для деревянных строений.

Заселение Приамурья и Приморья со второй половины XIX в. принято рассматривать как «аграрную колонизацию» региона. Если для воинского сословия своей становилась земля, «омытая кровью», то для крестьян это была земля, политая потом. Крестьянский труд считался почётным, что подтверждают и песенные тексты: «Несчастлива та дивчина, котора любит моряка... А счастлива та дивчина, котора любит пахар`я». Аналогичные представления находим в частушечном репертуаре начала XX в.:

Чем платочек выпшивать,
Лучше полотенце;
Чем матроса любить,
Лучше деревенца [4, с. 108].

Поколение, рождённое на Дальнем Востоке, уже было готово защищать свою землю-кормилицу. В начале XX в. широко бытовала песня, обычно начинавшаяся словами: «Отец мой был природный пахарь, и я работал вместе с ним...» Вместе с тем память об оставленной на западе «настоящей» родине продолжала жить в сознании дальневосточников. Не случайно, некоторые варианты приведённой выше песни имели следующий зачин: «Среди Маньчжурии-Китая была там родина моя». Двойственное восприятие новообретённой родины существовало достаточно долго. Наши информанты даже в середине XX в. говорили: «Там Расея, а здесь – Приморье». Однако думается, не всегда следует понимать это буквально; ведь говорят жители «спальных районов»: «Поехали в город», имея в виду административный центр населённого пункта. Подобные выражения подчёркивают вторичный характер территории, её культурную зависимость от исторической родины, которая служит эталонным образцом для организации жизни на новом месте.

Однако новые реалии постепенно входили в сознание переселенцев и получали отражение в их фольклорном творчестве, особенно в таком продуктивном жанре, как частушка. Так, в 1913 г. М. К. Азадовский записал на Амуре следующее четверостишие:

Пока русских не было.
Я в олочках бегала,
Когда русские пришли,
Башмаки нам завели [1].

Несмотря на шуточный характер, приведённый текст свидетельствует о том, что русская культура воспринималась переселенцами как безусловное благо для коренных народов.

Изменилось и отношение к жителям соседних азиатских стран, прибывавших в Россию на заработки:

Ах, юбка моя,
Юбка узкая.
Мой милёнок – китаёнок,
А я русская.
.....
Ох, не дай Бог
Япошке попастка,
Не успеет увидеть –
Лезет целоваться [4, с. 107].

Как видим, расовый барьер не был окончательно преодолен, но в какой-то мере был распатан.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что историю заселения русскими людьми Сибири и Дальнего Востока надо рассматривать в динамике, без ложной идеализации, но с учётом общемировых процессов. Главное, на наш взгляд, не отойти от принципа историзма, прилагая нравственные оценки новейшего времени к событиям более чем 350-летней давности.

Литература

1. Азадовский М. К. Амурская «частушка» // Приамурье. 22 декабря 1913 г.
2. Азадовский М. К. Песнь о переселении на Амур // Сибирский архив. 1916. № 3–4. С. 158–170.
3. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. – СПб.: б. и., 1901.
4. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4: Фольклор Приморья. – Владивосток, 1929. – 163 с.
5. Ерёмин И. П. Литература Древней Руси. – М.: Наука, 1966. – 266 с.
6. Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в русской Америке в 1842–1844 гг. – М.: Гос. изд-во географич. литературы, 1956. – 454 с.
7. Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири о второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 330 с.
8. Зуев А. С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск: Наука, 1999. С. 124–136.
9. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М.: Наука, 1991. – 471 с.
10. История культуры Дальнего Востока России. XIX в. – 1917 г. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 300 с.
11. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1969. – 424 с.
12. Панченко А. М. О русской истории и культуре. – СПб.: «Азбука», 2000. – 462 с.
13. Полевой Б. П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. С. 275–278.
14. Фетисова Л. Е. Дальний Восток в историческом самосознании русского человека // Россия и народы Дальнего Востока: исторический опыт межэтнического взаимодействия (XVII–XIX вв.). – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. С. 321–334.
15. Эткинд А. М., Уффельманн Д., Кукулин И. В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 31–52.

Сокращения

ПФА РАН	Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
РГА ВМФ	Российский государственный архив военно-морского флота
РГИА	Российский государственный исторический архив

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Историческое регионоведение
- ◆ Экономика и природопользование
- ◆ Социальные и демографические структуры
- ◆ Культурные и идеологические факторы регионализации
- ◆ Политические отношения и управление регионом
- ◆ Мировая система и международные регионы
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Науковедение
- ◆ Научные сообщения
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10), текст статьи, список литературы. Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (дается в конце текста статьи). Например: ГАПК – Государственный архив Приморского края.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения : 31.12.2012 г.).
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объем других материалов – до 0,5 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru) или через форму подачи статей (ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html).

Статьи проходят обязательное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.

Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.

Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Е-принт

**Предварительные материалы круглого стола
«Колонизация» и/или «освоение»:
что нам делать с избытком терминологии?**